

Сказав это, она бросилась прочь, оставив Цзянь Юя в одиночестве сидеть в павильоне. Его лицо постепенно потемнело.

Эти слова... они были ему знакомы...

...

Когда Янь Цайи рассеянно вернулась в постоянный двор «Одна ночь», уже стемнело. Едва она открыла дверь, как на нее нахлынул запах пота, заставив отшатнуться. В этот момент она с удивлением осознала, что тот противный даос вовсе не воняет — от него даже приятно пахнет, почти как от женщины.

А вот женщина внутри...

— Мы больше не можем, стоять в стойке всадника — это твое. Отдохнем и пойдем за водой.

С этими словами братья У повалились на пол, а Ли Чжао стояла гордо, сохраняя стойку всадника, хотя пот струился с нее ручьями.

Честно говоря, Янь Цайи совсем не хотелось заходить, но она должна была работать с этими людьми, чтобы стать Главой Альянса Улинь — это был третий путь избежать брака.

Что касается противного даоса... она просто была в пылу момента, когда поцеловала его. И он, наверное, ответил лишь из жалости. Так что это не считается.

Да, не считается! Я ни капли не влюблена!

Решив так, Янь Цайи переступила порог.

Трое внутри, конечно, уже заметили ее, но не знали, как себя вести, поэтому сделали вид, что не видят.

— Мисс Е... добро пожаловать, — поднялся У У, неуверенно улыбаясь.

— Мм, — кивнула Янь Цайи, затем перевела взгляд на лицо Ли Чжао и вдруг поняла, что та не так уж и красива, да и ничего особо притягательного в ней нет. И тут же возник вопрос: что вообще она раньше находила в этом «Безымянном герое»?

— Ты на что уставилась? — Ли Чжао стало неловко под ее пристальным взглядом, и она спросила, одновременно с ужасом осознав: а не так ли она сама часто смотрела на Деву Цзюнь, заставляя ту чувствовать неловкость?

Не успела она додумать мысль, как Янь Цайи, скрывавшаяся под именем Е И, фыркнула, прикрыла рот рукавом и рассмеялась — весело и безудержно, хотя никто не понимал, над чем.

Ли Чжао и братья У переглянулись, не понимая, но и не собираясь выяснять.

Вскоре Янь Цайи перестала смеяться и спросила:

— А Фэй Ду где?

— Снаружи, тренируется, — ответил У У.

— Усердный, хорошо, — пробормотала она, затем снова одарила их чарующей улыбкой.

Трое дружно сглотнули.

Неудивительно, что вскоре они были вытащены Янь Цайи на поиски Фэй Ду и вынуждены были провести несколько спаррингов.

К полуночи Ли Чжао наконец удалось улизнуть. Хотя следовало бы помыться, но уже наступало то самое «завтра», и она хотела отнести платок Деве Цзюнь. Вздохнув, она все же радостно помчалась в сторону Секты Тайхан.

Глубокой ночью Вань Цзюньи, сидевшая за столом с книгой, почувствовала, что глаза слипаются. Закрыв книгу, она собралась задуть свечу и отправиться на покой. Однако, едва встав, вдруг осознала нечто.

Слегка нахмурившись, она взглянула на деревянную дверь. «Вряд ли...» — подумала она, но все же подошла к двери, немного поколебавшись, открыла ее.

Холодный ночной ветер ударил ей в лицо, а на пороге сидел человек. Он повернулся, его взгляд был мягким, а улыбка — теплой, как утреннее солнце.

Бам! Вань Цзюньи захлопнула дверь. Лицо ее оставалось бесстрастным, но дотоле спокойная гладь сердца заструилась легкой рябью.

«Дурак...» — мысленно бросила она, пряча смятение чувств, и снова медленно открыла дверь. На лице человека у порога мелькнула тень разочарования, но мгновенно сменилась радостью и нежностью — словно предыдущее выражение было лишь игрой света. Сердце ее вновь предательски дрогнуло, и она не смогла вымолвить ничего резкого.

— Почему ты в таком виде?

Человек выглядел еще более потрепанным, чем несколько часов назад: волосы всклокочены, одежда в пыли, множество мелких ссадин... Неужели сорвалась, взбираясь на гору?

При этой мысли на лице Вань Цзюньи появилось легкое недовольство, под которым скрывались беспокойство и забота.

— Мм... я спарринговалась с друзьями по отряду, не успела привести себя в порядок. Я не лезла на гору, честно.

Слова ее были осторожны, взгляд — полон опаски, но глаза по-прежнему сияли ясной искренностью.

Внутренне вздохнув, Вань Цзюньи почувствовала облегчение, смешанное с легкой досадой. Да, она сказала «приходи завтра», но обычно «завтра» подразумевает время после восхода. Кто же думал, что этот человек будет столь буквален, выбрав полночь? Да еще и ждал у двери, зная, что она, возможно, уже спит... И впрямь, почему он такой глупый...

— Иди помойся.

Бросив эти три слова, она повернулась, взяла даосскую робу Секты Тайхан — ту, что ранее одолжил ей господин Цзянь Юй на смену. Хотя она ее уже носила, но роба была выстирана. Надеюсь, этот дурак не будет против.

Передав робу Ли Чжао, она отвела ее к месту для омовений и, опустив глаза, тихо спросила:

— Ты голодна?

— Немного, но ничего, я могу потерпеть, — ответила та легко и искренне, без тени притворства.

Но зачем терпеть? Вань Цзюнь едва заметно нахмурилась. Ей так хотелось узнать, что же происходило с Ли Чжао все эти дни...

— Дева Цзюнь?

Услышав обращение, она очнулась, посмотрела на человека перед собой, на мгновение застыла и тихо молвила:

— Набери воды сама и помойся, — затем, слегка растерянная, обошла ее и направилась на маленькую кухню, чтобы приготовить что-нибудь простое.

А Ли Чжао, глядя на удаляющуюся спину Девы Цзюнь, чувствовала, как сердце колотится в груди, и ощущала невероятное тепло. Ей так хотелось подбежать, обнять ее и сказать: «Можешь ли ты всегда так заботиться обо мне? Только обо мне?»... Но нельзя.

Отведя взгляд, она открыла дверь в баню, положила робу и молча принялась носить воду и растапливать очаг, пока в ушах тихо позванивали звуки готовки.

Пар клубился и рассеивался.

Вскоре Ли Чжао закончила омовение, ощущая полную свежесть. Надев даосскую робу, повесив ароматный мешочек на пояс и взяв Тунлун, она отложила грязную одежду на завтра — на солнце высохнет быстрее. На самом деле ей просто хотелось задержаться подольше...

Нельзя забывать про платок Девы Цзюнь. Поскольку тот был пропах потом, она его перестирала, поэтому он еще не высох. Надеюсь, Дева Цзюнь не будет против. Хотя отдавать его совсем не хотелось...

Вздохнув, Ли Чжао отбросила колебания.

Подойдя к двери деревянного домика, она еще не успела постучать, как изнутри донеслось: «Входи». Тихо открыв дверь, она юркнула внутрь и быстро прикрыла ее, чтобы холодный ветер не ворвался в комнату и не побеспокоил Деву Цзюнь.

Повернувшись, она увидела, что Дева Цзюнь уже сидит за столом, лицо ее спокойно, а напротив стоит миска с дымящимся овощным отваром.

Ли Чжао поставила Тунлун, подошла, села и поблагодарила Деву Цзюнь, после чего принялась за еду. Улыбка не сходила с ее лица.

Ложка несколько раз коснулась миски, отвар был съеден, согревая тело и изгоняя остатки холода. Она чувствовала себя сытой и довольной. Подняв глаза на Деву Цзюнь, она собралась что-то сказать, но та вдруг встала...